

и национальностей Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Режим доступа : <https://belarus21.by>. – Дата доступа : 12. 11. 2020.

10. Хурсан, Т. І. Стараабраднікі Беларусі: мінулае і сучаснасць / Т. І. Хурсан. – Мінск: Беларуская навука, 2020. – 175 с.

УДК 930(410):271.2-9(470)"19":929*Дж. Я. Симпсон

Е. Н. Дубровко

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

ДЖЕЙМС ЯНГ СИМПСОН О ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье охарактеризованы взгляды шотландского теолога и учёного Дж. Я. Симпсона на положение православной церкви в Российской империи, её институциональные особенности, интерес к духовной, мистической составляющей.

В 1919 году страны, вышедшие победителями из Первой мировой войны, прежде всего Великобритания, Франция и США, активно включились в решение вопросов послевоенного урегулирования в разных уголках мира. Основной международной площадкой для принятия решений стала мирная конференция в Париже, куда стекались представители разных стран и народов, стремясь добиться принятия выгодных для них решений. В связи с попыткой белорусских национальных деятелей представить в столице Франции «белорусский вопрос» в письмах Антона Луцкевича мы встречаем информацию о беседах с англичанином Джеймсом Симпсоном [1, с. 69]. Известно, что Джеймс Янг Симпсон являлся членом английской делегации в силу того, что с середины 1917 года он работал сотрудником Департамента информации, позже – Отдела политической разведки британского внешнеполитического ведомства. При этом он наряду с Реджинальдом Липером отвечал за взаимодействие с Россией. С весны 1918 года произошло разделение их обязанностей, и в зоне внимания Дж. Симпсона остались пограничные регионы бывшей Российской империи, в том числе – Балтийский регион. Именно с этого времени он будет плотнее работать с представителями финской,

эстонской, латышской и литовской делегаций, станет сторонником идеи Балтийской лиги [2, р. 59–61, 65; 3, р. 30–31]. В дальнейшем в 1921 году он возглавит арбитражную комиссию, созданную для решения территориальных споров между Латвией и Литвой [4, р. 189].

Привлечение британским Форин оффис Джеймса Симпсона в качестве своеобразного эксперта по делам России связано с его по сути непрофессиональным интересом к России: в середине 90-х годов XIX века он после знакомства с представителями аристократического рода Голицыных предпринял поездку по Сибири, Кавказу. Его интерес к российским делам увеличился в годы Первой мировой войны, Симпсон постепенно стал рассматриваться в Великобритании как специалист по российской тематике. Так, в мае 1916 года он был приглашён на встречу с делегацией Российской Думы, а в начале 1917 года был организован его визит в Россию для подготовки доклада о реализации там «сухого закона» [3, р. 29–30]. При этом Дж. Симпсон не был политиком или профессиональным дипломатом. Окончив Эдинбургский университет, где изучил курс богословия, он занимался чтением лекций и писательской деятельностью, был профессором естествознания, стремясь «примирить религию и науку» [4, р. 189]. Собственно, в ходе упомянутой выше поездки по Сибири он, изучая положение в каторжных тюрьмах, занимался распространением Библии и религиозной литературы среди заключённых [5].

Интерес шотландского профессора к России и вопросам религии и церкви нашёл своё частичное воплощение в изданной им в 1916 году работе «Самопознание России» [6]. В этой работе Дж. Симпсон обратил внимание на несколько аспектов действительности Российской империи начала XX века, среди которых и положение православной церкви.

В работе Дж. Симпсона явно прослеживается наследие идеи «Третьего Рима»: «Когда в 1453 году Константинополь пал под натиском турок, Восточная православная церковь была предана стране, которая была христианской с X века, где она с тех пор сохранилась с любовью и в чистоте, которые являются одновременно яркими элементами в современном русском религиозном сознании» [6, р. 179]. Автор не отрицает, что после появления указа от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости» и Манифеста 17 октября того же года в положении православной церкви в России произошла большая перемена. «Одним из непосредственных результатов было то, что очень многие люди, которые отделились от православной церкви... пытались объединиться в общины

и ассоциации и добиться признания со стороны правительства в качестве новой ассоциации. Некоторые из этих организаций основали свои собственные школы и благотворительные учреждения, проводят свои собственные конференции, издают свои собственные периодические издания, трактаты и сборники гимнов [6, р. 194–196]. Однако, по мнению автора, эти события должны способствовать изменению к лучшему. «Существует закон духовной индукции, согласно которому энергетические условия, преобладающие в одном теле, могут влиять на другие тела, находящиеся поблизости, без фактического контакта... несомненно, что с принятием указа «Об укреплении начал веротерпимости» Россия допустила развитие духовной сферы, что в конечном итоге должно было пойти на благо всей страны» [6, р. 196]. Проявления этого улучшения в сфере православной церкви Дж. Симпсон видит в расширении практики проповеднической деятельности, в ответ на проповеди «раскольников».

Очевидной симпатией шотландского учёного пользуются и институциональные особенности православной церкви в Российской империи. В частности, тот факт, что «Император является покровителем (protector) Православной Церкви в России. Глава Церкви – Господь» приводит автора к выводу, что взгляды Восточной православной церкви и Объединённой свободной церкви Шотландии (к которой принадлежал сам Дж. Я. Симпсон – Авт.) на отношения со светскими властями были практически одинаковыми: церковь может быть «господствующей» (predominant) в государстве, но не «государственной» [6, р. 181]. Более того, шотландского теолога привлекает мысль одного из его российских собеседников о том, что православная церковь близка к протестантизму: «Такие церкви, как англиканская и православная, имеют больше психологического родства друг с другом, чем с Римом. Рим основан на подчинении, тогда как Восточная Церковь основана на координации <...> я часто думаю о воссоединении. Сначала оно произойдёт между православной церковью и протестантизмом, а не между Римом и православной церковью» [6, р. 184].

Джеймс Янг Симпсон уделил приоритетное внимание особенностям православия в России, которые, по его мнению, выгодно отличают его от протестантизма. В частности, он пишет о том, что «Русская церковь может многому научить нас, благодаря глубокому мистицизму ее самых преданных сынов и укоренившейся уверенности практически в каждом русском сознании, что в мире есть гораздо

больше, чем когда-либо будет измерено линейкой или пробиркой, неумолимой уверенности, что мы окутаны духовным миром, который и является реальным». Утрата этого ощущения в протестантизме для автора очевидна, что порождает разницу восприятий одних и тех же явлений православными и «западными умами». В качестве примера приводится продолжавшаяся практика беатификации и канонизации: в православии это – «живой и самый наглядный пример и доказательство живучести... этого чувства близости духовного мира», а для «многих западных умов все это представляет собой лишь суеверие» [6, р. 182]. Характеризуя взгляды Дж. Я. Симпсона, известный британский историк и публицист Р. У. Сетон-Уотсон писал: «Мистический элемент в православии вызывал у него сочувственный интерес, и это видно в «Самопознании России», написанной в 1916 году, когда часть британского общественного мнения, возможно, была склонна придавать преувеличенное значение религиозной или эмоциональной стороне русской жизни. Сегодня она вызывает меланхолическое чтение и так же принадлежит прошлому, как те мистические теории «Третьего Рима», которые некогда провозглашались в определенных славянофильских кругах» [4, р. 188].

С такой, на наш взгляд, несколько саркастической оценкой нельзя согласиться в полной мере. Положительно оценивая «мистическую составляющую» православия в России, Дж. Симпсон видел в ней, прежде всего, реальный способ улучшения психологической атмосферы в обществе: «Я не знаю, действительно ли Св. Митрофан сделал то или это, и есть ли какая-либо доля правды в истории Св. Серафима, но я знаю, что в современной России существует великая вера в то, что Бог действует в мире как через своих оставшихся слуг, так и через тех, кого он взял к себе. В русском уме есть надежда, вера в чудо. Он верит в Бога деятельной верой и ищет признаки его деятельности в мире, и как к ожидавшим пастухам, наблюдавшим за своими стадами, явились ангелы, так и к смиренному верующему русскому крестьянину пришла Великая уверенность в Боге. Мы не ожидаем и поэтому не получаем. Мы слишком уверены, что точно знаем, что это за мир, в котором мы находимся, и мечта умирает среди нас» [6, р. 183–184]. Особое значение такая функция приобретает в военные годы: «Если теперь задаться вопросом, как это религиозное сознание выражается сегодня в России? Я не думаю, что ответ будет так сильно отличаться от того ответа, который можно было бы дать в отношении нашей собственной страны.

Религиозная жизнь России, несомненно, была углублена войной. Люди сталкиваются лицом к лицу с реальностью жизни и смерти в той степени, которая заставляет их думать. Нужды этого часа побуждают мужчин и женщин молиться. Гораздо больше людей можно увидеть в церквях. Я вспоминаю, в частности, службу в Храме Спасителя в Москве, в одном из красивейших храмов России... было многолюдно. Что меня поразило, так это очень большое количество мужчин, особенно раненых солдат. Они, должно быть, превосходили числом женщин-прихожанок почти в десять раз [6, р. 185]. Автор отмечал и другие проявления роста религиозности в Российской империи того времени, в частности, примечательный рост интереса к обсуждению религиозных вопросов: публичные лекции на темы «политического и духовного настоящего и прошлого России», рост спроса на религиозную литературу, участвовавшие религиозные беседы на фронте и в тылу [6, р. 186]. При этом Дж. Симпсон не рисует исключительно одностороннюю картину всеобщего роста религиозности в Российской империи, а приводит цитату из Книги пророка Даниила: «Многие очистятся, убелятся и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют» [6, р. 190]. Несмотря на это, шотландский учёный видит большое будущее у православной церкви в России. Он его связывает с расширением её просветительской деятельности, воспитательного влияния на население, отмечая, что «после войны все эти вопросы будут подняты и обсуждены, и в православной церкви, и в народе в целом» [6, р. 192]. Как известно, революционные события 1917 года и последующая политика в РСФСР и иных советских республиках, появившихся на территории исчезнувшей Российской империи, не способствовали реализации такого сценария.

В завершении хочется отметить, что некоторые тезисы, сформулированные Дж. Я. Симпсоном, всё же нашли, на наш взгляд, воплощение даже в реалиях Советской России. В частности, шотландский теолог писал о том, что в сознании русских православных людей политическая составляющая и религиозная едины в такой степени, в какой это не относится ни к одной другой стране мира [6, р. 186]. Это характерно и для элиты общества, и «точно так же на другом конце социальной лестницы религиозная и политическая мысль смешиваются в крестьянском сознании, причем первый элемент является определяющим» [6, р. 187]. Обозначенный тезис находит яркую иллюстрацию в документе, датированном декабрём 1927 года, представленном

внешнеполитическим ведомством Великобритании в распоряжение членов Кабинета, как «информация, полученная из надёжных чешских источников» о внутренней ситуации в России. В нём обращает на себя внимание следующий фрагмент: «Мои информаторы – это люди, которые хорошо знали Россию до войны. Они хорошо знают русских и имеют близких друзей в стране. Они рассказали мне несколько забавных подробностей о способе, с помощью которого руководители России организуют пропаганду. Они рассказывали о могиле Ленина, перед которой шел постоянный поток крестьян, факт, который очень впечатляет иностранцев; действительно, нужно подождать час или два, прежде чем дойти до мавзолея. Кажется тогда, что крестьяне стали горячими поклонниками большевистского режима, но вскоре обнаруживается настоящая причина такого рвения. Русские «мужики» всегда считались классом очень консервативным, они всегда совершали паломничества к святыням. Крестьяне воспринимают Ленина как нового святого, и когда они проходят перед его могилой, они падают на колени и молятся забальзамированному трупу. Они почитают не основателя Советской России, не апостола Маркса, а просто новейшего святого в русском календаре, которому они молятся о защите...» [7, p. 86–87].

В целом, при характеристике положения православной церкви в Российской империи в начале XX века, как и при освещении других сторон внутривосточной ситуации, Джеймс Янг Симпсон очевидно симпатизировал России, создавая привлекательный образ союзного для Великобритании государства. При этом, нельзя не признать и дальновидность многих его суждений, прежде всего о том, что «разбитая сегодня на более чем дюжину различных тел и преобразованная в известной мере, она (православная церковь – Авт.) все еще твердо стоит на своих древних основаниях и будет стоять» [6, p. 180].

Список источников и литературы

1. Лазько, Р. Лісты Антона Луцкевіча з часу Парыжскай мірнай канферэнцыі / Р. Лазько // Arche. – 2006. – № 10 (50). – С. 54–81.
2. Goldstein, E. Winning the peace. British diplomatic strategy, peace planning, and the Paris peace conference, 1916–1920 / E. Goldstein. – Oxford: Clarendon press, 1991. – 307 p.
3. Alston, Ch. «The suggested basis for a Russian federal republic»: Britain, anti-bolshevik Russia and the Border States at the Paris peace conference, 1919 / Ch. Alston // History. – 2006. – Vol. 91, № 301. – P. 24–44.

4. Seton-Watson, R. W. James Young Simpson / R. W. Seton-Watson // The Slavonic and East European Review – Vol. 13 (№ 37). – Jul., 1934. – P. 187–189.
5. Simpson, J. Y. Side-lights on Siberia: some account of the great Siberian railroad, the prisons and exile system / J. Y. Simpson. – Edinburgh: William Blackwood, 1898. – 384 p.
6. Simpson, J. Y. The self-discovery of Russia / J. Y. Simpson. – New York: George H. Doran company, 1916. – 227 p.
7. Information from a reliable Czech source. December 1927 // Cabinet Papers. Nos: 301(27) – 327(27). [Electronic resource] – URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-190.pdf>. – Date of access : 12. 01. 2021.

УДК 94 (476) «1941–1945 гг.»

Н. Н. Козлова

ГУО «Гомельское кадетское училище», г. Гомель

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КЛИРИКОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ С ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье структурированы сведения о 16 клириках, служивших в регионе в военный и послевоенный периоды, которые были связаны с партизанским движением. Они составлены на базе архивных изысканий и полевых экспедиций, проведенных членами Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии (ЦИКГЕ): С. В. Цыкуновым, Н. В. Шукановым, А. Ф. Потаповым и автором. Деятельность клириков в оккупационный период описана в контексте их сложного взаимодействия с партизанами, коллаборантами, оккупантами.

Широкая общественность Республики Беларусь недостаточно осведомлена о роли Православной Церкви Белоруссии в Великой Отечественной войне. Эта проблема затронута в обобщающем исследовании «Беларусь у гады Вялікай Айчыйнай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства» [1]. Пожалуй, исключением следует считать описанное, уже в послевоенный период, участие в партизанском движении клириков В. Д. Копычко, К. П. Раина [2, с. 12–15]. Прорывом в этом направлении явились работы С. В. Силовой [3; 4]. Она составила список 43 священнослужителей БССР, принимавших